

Grycenko, Pavlo Juchymovyč

[Лённгрен, Т. Лексика русских старообрядческих говоров
(на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине)]

Opera Slavica. 1996, vol. 6, iss. 4, pp. 52-55

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116842>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

* RECENZJE *

Леннгрэн, Т.: Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомырщине). Acta Univ. Studia Slavica Upsaliensa. 34. Uppsala, 1994. 174 p.

В последние десятилетия в славистике возрос интерес к диалектной лексике, о чем свидетельствует публикация специальных монографических описаний отдельных тематических или лексико-семантических групп, подготовка различных по объему и жанру словарей, лингвистических атласов. Заметна и смена целевых установок этих исследований: традиционный поиск лексической или семантической архаики, экзотики сменяется изучением лексического уровня диалекта как иерархически сложного системного образования. При этом внимание к отдельному слову (его географии, филиации семантики, мотивационных отношений) сочетается с попытками целостного описания фрагмента лексической системы. Претерпевает существенные изменения и методика полевой работы диалектологов: фиксация лексики и семантики по ранее составленным вопросникам постепенно уступает место длительным наблюдениям над функционированием лексемы в частной диалектной системе (ЧДС), ее синтагматикой, различными связями в речи (resp. тексте). Такая методика открывает новые возможности для более полной фиксации компонентов семантической структуры лексемы, установления ее связей в семантических микрополях.

Именно такой новаторский подход к изучению диалектной лексики реализован в рецензируемой монографии Т. Леннгрэн, в центре которой - семан-

тика диалектного слова. Ценность работы определяется как поиском новых подходов к описанию диалектной лексики и семантики, так и постановкой и попытками решения ряда важных задач русской диалектологии, главным из которых являются: а) исследование причин, условий, моделей динамики островных русских говоров в иноязычном (латышском и украинском) окружении; б) определение степени влияния на характер динамики островных говоров таких внеязыковых факторов, как конфессиональная принадлежность, особенности уклада жизни диалектоносителей. Если проблема динамики островных говоров издавна привлекала исследователей, в том числе и русистов (в монографию включен подробный критический обзор важнейших работ в данной области), то влияние такой особенности диалектоносителей, как принадлежность к старообрядчеству, еще не нашло широкого освещения (4 представительных международных конференции [1986-1992], которые были посвящены проблемам старообрядчества, в значительной степени привлекли внимание исследователей к диалектам старообрядцев, подробнее см.: Skupina staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie. Warszawa, 1994). Вместе с тем Т. Леннгрэн справедливо отмечает важность учета этой особенности диалектоносителей, т. к. раскол русской церкви (после 1653 г.) существенно

отразился не только на обряде, быте, но и на отношении старообрядцев к языку; для старообрядцев все, что символизировало или подчеркивало истинность веры, оставалось не просто важным, но и почитаемым. Прав Б. Успенский, заметивший, что при расколе «культурные - в частности, семиотические и филологические - разногласия воспринимались, в сущности, как разногласия богословские» (Б. А. Успенский, Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский, Б. А.: Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994, с. 333). Итак, данная работа нацелена на решение внешне различных проблем, которые тесно связаны самим объектом исследования.

Анализ языкового материала предвзвешивает вводящие разделы о переселении старообрядцев в Латгалию и на Житомирщину (Украина), о важнейших чертах структуры этих говоров, а также о проблематике и методах современной диалектной лексикологии и семасиологии. Читатель имеет возможность познакомиться с кратким изложением истории церковного раскола, с особенностями различных ветвей старообрядчества. Отметим, что из всей многообразной информации о старообрядчестве в монографии Т. Леннгрен представляет прежде всего ту, которая максимально нацелена на освещение особенностей развития диалектов и вскрывает отношение диалектоносителей к языку. История раскола, в частности, возникновение федосеевского толка, служит также отправной точкой при решении вопроса о диалектогенезе, т. к. расселившиеся позже в разных местах Российской империи федосеевцы изначально восходили к псковско-новгородскому языковому ареалу (с. 35). Автор подчеркивает важность привлечения также и свидетельств материальной культуры старообрядцев (напр., данных о сохранившихся особенностях построек, интерьера жилища, костюма) для установления их исходной локализации. Проведенный тщательный анализ историко-культурных и языковых данных убеждает в правильности вывода о том, что

старообрядческие поселения Латгалии возникли в результате переселения непосредственно из Псковщины. Возникновение старообрядческих селений на Житомирщине было более сложным: это переселение «второй волны», которое «шло главным образом из центров русского старообрядничества бывшей Витебской губернии, а также из некоторых районов Литвы» (с. 44), т. е. до появления в Украине эти русские говоры значительное время развивались в ином диалектном окружении.

Давая общую характеристику исследуемым диалектам, Т. Леннгрен указывает на несходство условий функционирования старообрядческих говоров в латышском и украинском языковом окружении; эта несхожесть порождена не только степенью отличия структур контактирующих русских говоров со структурно отдаленными латышскими и близкими по важнейшим чертам украинскими диалектами, но и сохранившейся на протяжении длительного времени относительной замкнутостью, изолированностью компактно проживающих старообрядцев Латгалии при большей открытости, наличии контактов русских и украинцев на Житомирщине. Однако, как отмечает автор, в том и другом случаях старообрядческий говор как *диалектный тип* сохранился, оказался мало- или слабопроницаемым для инодиалектных проникновений (особенно это заметно в латгальских говорах), что обусловлено прежде всего своеобразной ментальностью диалектоносителей - «ревностных хранителей своего языка и своей веры» (с. 48).

Сохранение исходной основы старообрядческих говоров, их тесная структурная связь с материнскими диалектами отчетливо видны при поэтапном анализе фонетических, морфологических и синтаксических черт этих ЧДС. Их анализ опирается на надежную базу данных: с одной стороны, это обширные полевые записи самого автора, а с другой, - лингвистический атлас (ДАРЯ - Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1986; Вып. 2. Морфология. М., 1989) и

монографические описания говоров основного массива распространения русского языка. Каждое из рассматриваемых явлений оценивается с точки зрения распространённости, типичности отдельно для латгальских и для житомирских говоров, что позволяет наблюдать степень влияния иноязычного окружения на структуру старообрядческих диалектов.

Среди фонетических явлений подробно описаны сильное яканье, аканье, лабиализация /a/ в заударном слоге (/a/ → /y/), мена /y/ на /a/, /f/ в аялауте, твердость /ч/ и ряд других. Важно, что внимание обращено на менее заметные явления, как вторичная вокализация сочетаний согласных (типа р'ѣжскъ 'шъ → р'ѣжскъ 'ш), ассимилятивные изменения в группах согласных (к примеру *дн* → *н*: - *трудо* → *трун:а*) и др. Основные и периферийные фонетические явления оказываются в равной степени релевантными при решении вопроса об отношении переселенческих говоров к материнским; важно также и то, что многие из отмеченных периферийных явлений широко известны и в украинских диалектах. Это обстоятельство оказывается весьма существенным для понимания условий и механизма динамики старообрядческих говоров при наличии структурной поддержки со стороны украинскоязычного окружения.

Рассматривая особенности грамматического строя говоров, Т. Леннгрэн пришла к выводу, что как на фонетическом, так и на грамматическом уровне исследуемые диалектные системы демонстрируют связь с западным среднерусским акающим диалектом псковской группы; важнейшие черты старообрядческих говоров устойчивы, слабопроницаемы со стороны окружающих их диалектов (с. 60).

К такому выводу пришла автор и в результате анализа лексики: псковские диалектные особенности в области лексики и семантики в исследуемых говорах сохраняют большой удельный вес. Эти черты, роднящие переселенческие говоры с материнскими, встречаются во всех

тематических группах лексики. Они демонстрируют различия судеб: от полного совпадения семантики, формальной структуры, мотивационных связей слова в переселенческом и материнском говорах до значительных расхождений в области значения и формы лексемы. Иногда диалектное слово настолько трансформировалось, что его связь с соответствующими лексемами или значениями в исходной диалектной зоне приходится реконструировать; примером таких поисков автора может служить моделирование этапов развития лексем *грибѣты*, *грибѣсты* «человек с большими губами», для которых мотиватор-основа *гриб* - «губа» не засвидетельствован в переселенческих говорах при наличии его на Псковщине (с. 64-65). Приведенная в монографии лексика зачастую включает и переселенческие говоры, новожилищские по своей сущности, в ареал распространения славянских лексических и семантических архаизмов, сравн. бытование в речи старообрядцев производных от *глух-*, указывающих на маркированность именуемого объекта на фоне немаркированного (*глушьина* «разновидность березы»), относящихся к славянским семантическим архаизмам. Заметим, что монография изобилует ценными частными наблюдениями, замечаниями о диалектной лексике, вскрывающими историю, особенности функционирования в речи, направления трансформаций отдельных слов. При этом автор часто приводит контексты словопотребления, иногда - описания речевых ситуаций, которые отражают не только жизнь слова, но и речевое поведение диалектоносителей; пространные же диалектные тексты, приводимые в монографии, имеют и самостоятельную ценность как источник информации для дальнейших исследований старообрядческих говоров.

Особое значение имеет обращение к глагольной лексике как объекту описания, формирование семантической структуры которой имеет глубокие отличия от лексики субстантивной, в частности, предметной. Для удобства

анализа глагольной лексики автор предложила рабочую классификацию материала, построенную на сравнении с литературным языком; в целом такой подход приемлемый, хотя при этом в многоплановое сравнение («материнский диалект» - «переселенческий в Латгалии»/ «переселенческий на Житомирщине») вводятся и сопоставление с литературным языком. Последнее закономерно вскрыло наличие как общих с литературным идиомом лексем и значений, так и отличающихся (в классификации автора это: а) собственно диалектные лексемы, отсутствующие в литературном языке; б) «деформированные», т. е. отличающиеся частично по форме; в) «диалектно-литературные», имеющие семантические отличия в обоих идиомах; г) «литературные», полностью совпадающие с литературной нормой). Разнообразие семантики диалектного глагола привело автора к мысли о необходимости применения различных методик выявления и описания этого сложного языкового объекта. Последняя мысль не декларативна, а реализована в различных подходах к описанию глаголов. В частности в монографии нашли применение социолингвистический элемент (для выявления степени известности в речи заданных вопросником глаголов и их значений; в эксперименте учтена возрастная дифференциация диалектоносителей), прием моделирования системных отношений лексем, их семантической структуры; использованы так же когнитивные методы изучения диалектной лексики, базирующиеся на широком спектре фоновых знаний говорящих. Представление материала в виде матриц семантической деривации, моделей синонимических отношений, сочетаемости, моделей межсловных семантических пара-

дигм (см. схемы 1-4 на с. 95, 107, 117, 132) не только удобно как форма репрезентации исследуемого материала, но и одновременно может быть использовано как наддиалектная инвариантная модель, основание для типологии диалектов по заданным параметрам. Результативность применения различных методов в работе очевидна, т. к. удалось объективно и доказательно представить семантику глагола (на примере глагола *довести* - *доводить*), определить интегральные и дифференциальные компоненты семантической структуры синонимичных лексем. Автор показала, что такой анализ, практически исключающий интуитивно-приблизительное толкование диалектной лексики, дает возможность максимально точно описать семантику слова в говоре. Одновременно такое моделирование может рассматриваться как один из приемов «разностороннего изучения взаимоотношений реалий естественного мира, и того, как носитель говора осмысливает этот мир» (с. 18).

Итак, монография Т. Леннгрен - важное прежде всего постановочной и решением ряда актуальных проблем исследование в области русской диалектологии. Среди бесспорных достижений работы следует признать прежде всего обоснование генетической связи переселенческих говоров русских старообрядцев в Латгалии и на Житомирщине с псковским диалектом, тщательный анализ причин (как собственно лингвистических, так и внелингвистических) относительной стабильности (сохранности) исходных черт в говорах вторичного образования, описание моделей зависимости степени динамики переселенческих диалектов от языкового окружения.

Павел Гриценко